

НЕИЗВЕСТНЫЙ

ФИЛЬМ

Ким Филби
Руфина Пухова-Филби
Михаил Ю. Богданов
Неизвестный Филби

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66590460

*Неизвестный Филби:
ISBN 978-5-907171-34-3*

Аннотация

«Неизвестный Филби» – коллекция самых редких материалов о легендарном советском разведчике англичанине Киме Филби, многие из которых публикуются впервые. Уникальные подробности оперативной деятельности и малоизвестные эпизоды жизненного пути раскрывает сам Ким Филби. О Филби как человеке, яркой и неординарной личности, рассказывают его супруга Руфина Пухова-Филби и ученик, полковник СВР в отставке Михаил Богданов. Эти материалы позволят читателю по-новому взглянуть на величайшего разведчика XX века и почувствовать силу тех идей, которые вдохновляли его и лучших людей по всему миру работать вместе с Советским Союзом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Ким Филби	18
Корни	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Неизвестный Филби

© Богданов М. Ю., Пухова-Филби Р. И., Фонд памяти Кима Филби, 2020

© Проект «Ким Филби и Кембриджская пятерка: сохранение исторической памяти о героях-разведчиках», Институт внешнеполитических исследований и инициатив, издание на русском языке, 2020

© ООО «Издательство «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2020

Предисловие

О легендарном советском разведчике англичанине Киме Филби (1912–1988) написаны сотни книг и исследований, сняты десятки художественных и документальных фильмов. Сам он написал интереснейшую книгу о своей работе в СИС – британской Секретной разведывательной службе (*Secret Intelligence Service, SIS*) – «Моя тайная война»¹, изданную практически по всему миру. На личность Кима как человека проливают свет мемуары его третьей и четвертой жен – американки Элеаноры Брюэр и русской Руфины Пуховой-Филби.

Казалось бы, теперь известно все. Отнюдь. Некоторые страницы его биографии, особенно касающиеся московского периода жизни, знакомы только узкому кругу коллег по профессии, а также немногочисленным читателям изданных небольшим тиражом книг. А многое, видимо, еще очень многое не известно вообще: не проходит ни одного года без появления новых сенсационных материалов, включая рассекреченные документы то из российских, то из англо-американских архивов. И конечно, британские и американские историки спецслужб и журналисты все еще пытаются отве-

¹ *Philby K. My Silent War*. London: Macgibbon & Kee, 1968; *Филби К. Моя тайная война. Воспоминания советского разведчика* / Пер. с англ. П. Н. Видуэцкого и С. К. Рощина. М.: Воен. изд-во, 1980.

тить на мучительный вопрос: как блестящие молодые люди, принадлежавшие к британскому истеблишменту, которым были открыты все пути к власти и богатству, могли избрать делом своей жизни службу советским идеалам.

Хотя ответ давно известен, Ким Филби сам изложил основания и причины своего выбора: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее для человечества. В моей Англии я тоже видел людей, ищущих правду. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашел в своей работе в советской разведке. Этим я служил и моему английскому народу». Здесь же и прямой ответ тем, кто задает вопрос, «почему Филби предал интересы Великобритании».

Уверенность Кима Филби в своем выборе служить лучшему будущему для человечества поднимала его над надменностью и высокомерием правящего класса, к которому он принадлежал по праву рождения. Колониальная «империя, над которой никогда не заходит солнце», – не это было его идентичностью. Он мыслил гораздо шире узкого понимания «национального интереса», на уровне интернациональном, категориями «нового общества», пример которого давал тогда Советский Союз.

Ким Филби был на редкость целостной фигурой, человеком предельно честным с собой и с другими. Это отмечают, не сговариваясь, все, кто знал Кима Филби в Москве. Он был

верен до конца тому выбору, который сделал в начале жизни. «Я смотрю на прожитую жизнь как отданную служению делу, в правоту которого искренне и страстно верю», – говорил Ким в Москве.

К слову, такая же целостность и уверенность в своем выборе была свойственна и другим членам Кембриджской пятерки – под таким названием в историю вошла группа советских разведчиков, в которую входил Филби и его товарищи по учебе в Кембриджском университете: Дональд Маклейн, Энтони Блант, Гай Бёрджесс и Джон Кернкросс. Так, историк и специалист по Франции Петр Черкасов, работавший с Дональдом Дональдовичем Маклейном в Институте мировой экономики и международных отношений в 1970-е годы, сказал о нем в интервью нашему проекту: «В ИМ-ЭМО все были члены партии, из них коммунист был только один – это Дональд Маклейн. Он был настоящий коммунист. Он был коммунист-интернационалист». Маклейн и в Москве мог критиковать некоторые действия советских руководителей – именно с позиций коммуниста. Его исключительная образованность, профессионализм и принципиальность задавали очень высокую планку для оценок действий политиков.

Еще одна черта Кима Филби, которую подчеркивали все знакомые с ним, – демократичность, ровное доброжелательное и внимательное отношение ко всем людям: и к генералу КГБ, и к прапорщику, присматривавшему за конспиратив-

ной квартирой. И ко всем людям вокруг. Как рассказывает супруга Кима Руфина Ивановна Пухова-Филби, он, конечно, открывал перед ней дверь – в метро, в магазин, – но в эту дверь устремлялся поток людей. А он так и стоял, держал ее. Ким Филби наделял человеческим достоинством, коим обладал в полной мере, каждого человека.

Подобную уникальную информацию о Киме Филби и его товарищах мы собрали в рамках просветительского проекта о Кембриджской пятерке на портале www.cambridge5.ru. А в эту книгу вошли шесть уникальных текстов, принадлежащих перу самого Кима и хорошо знавших его людей.

Прежде всего **«Неоконченные мемуары»** – начало второй автобиографической книги Кима Филби. По воспоминаниям Руфины Ивановны, в первые годы их совместной жизни, в начале 1970-х, она слышала от Кима, что он берется за работу над мемуарами. «Обещаю, – сказал жене Ким, – что книга будет начинаться с твоего имени».

Первая книга Кима Филби «Моя тайная война», вышедшая на английском в 1968 году – очень содержательное и увлекательнейшее путешествие по его профессиональному пути на службе советской разведке, начинается с прибытия в Испанию в качестве корреспондента английской газеты и продолжается до отъезда Кима на Ближний Восток в 1956 году. Вторая же книга, задуманная Филби, начиналась с раннего детства, описывая события ранее мало известного периода его жизни.

Но вскоре руководство советской внешней разведки плотно загрузило Филби консультированием, начались занятия с молодыми оперработниками, готовящимися к выезду в Англию и ... времени для мемуаров не осталось.

В личном архиве сохранились только три первых главы – о детстве, начале сотрудничества с советской разведкой и о первых шагах на разведывательном поприще. Они были опубликованы в сборниках «Я шел своим путем» (1997) и «Ким Филби в разведке и жизни» (2005), вышедших небольшими тиражами, которые стремительно разошлись.

«Неоконченные мемуары» полны захватывающих деталей о служебных делах и о ходе мыслей автора. Только здесь Ким подробно описывает встречу с советским разведчиком Арнольдом Дейчем (оперативный псевдоним Отто), сделавшим ему предложение примкнуть к советской борьбе. О том, как сложно было порвать дружбу с товарищами-коммунистами, которые впоследствии сочли его поведение предательством – и этот вынужденный обман он глубоко переживал. А в ходе встреч с представителями геббельсовского Имперского министерства народного просвещения и пропаганды и нацистского Бюро Риббентропа 24-летний Ким тренировал самообладание, чтобы не показать своего возмущения, выслушивая «самые омерзительные мнения» нацистов.

И как великолепен писательский стиль Кима! Классическое английское чувство иронии и самоиронии делают каждую страницу литературным наслаждением. Точность и жи-

вость языка превращают в осязаемую реальность жизнь у бабушки в Кемберли, отношения с далекими в прямом и переносном смысле отцом и матерью, особенности английской школы. Что касается оперативной работы, здесь, как и в «Моей тайной войне», Филби рельефно вырисовывает персонажи друзей и недругов, заостряя внимание на психологических деталях.

Английские литературные тонкости перешли и в русский язык – и за это стоит поблагодарить Михаила Богданова, сделавшего отличный перевод; несомненно, глубокое понимание Британии и добрые отношения с автором очень помогли ему в этом.

Книга, действительно, начинается с имени Руфины Ивановны, как обещал Ким.

Всю жизнь Ким Филби считал себя аттестованным офицером КГБ. Но только летом 1977 года, спустя 14 с половиной лет после приезда в Советский Союз, состоялся его первый визит в штаб-квартиру советской внешней разведки в Ясенево.

Лекция руководящему составу Первого главного управления КГБ СССР в 1977 году – это краткий рассказ о личных аспектах профессионального пути, но уже для профессионалов разведки, и с тем же неизменным чувством юмора и иронией. Послушать выступление легендарного разведчика собралось все руководство ПГУ – в зале на 300 мест яблоку негде было упасть. В порядке исключения

разрешили присутствовать нескольким «молодым бойцам» – слушателям семинара Филби по подготовке опер-работников к командировке в Англию.

Единственным сохранившимся экземпляром лекции стал машинописный текст, по которому выступал Филби. Именно этот текст представлен в переводе в сборнике, дополненный реакцией аудитории (в скобках курсивом), точно зафиксированной Михаилом Богдановым.

Примечательно, что, рассказывая об Арнольде Дейче (Отто), Ким снова отмечает редкую человечность своего первого наставника и его чувство юмора: «Он превратился для меня в нечто среднее между приемным отцом и старшим братом. Отцом – когда дело касалось напутствия, совета и авторитета; старшим братом – когда мы вместе веселились». Первый советский наставник обучил молодого британца не только профессиональным навыкам, но и сформировал человеческие качества, необходимые в профессии. Полвека спустя, Ким напоминал аудитории, как это важно.

Уникальный материал, проходящий под названием **«Неопубликованная статья»** – это, в действительности, практические рекомендации Кима Филби для советских оперработников: как инструктировать агентов на случай провала, обвинений в шпионаже и допросов. Их Филби сформулировал на основе практики работы английских и американских спецслужб, разведки и контрразведки. Вместе с неоконченными мемуарами этот текст обнаружился

в скромной папке, которую Руфина Ивановна нашла после кончины мужа; дата написания его не известна.

В этом интереснейшем материале Филби разбирает ошибки при допросах на примере провалов известных советских «атомных» агентов Аллана Нанна Мэя и Клауса Фукса. Он убедительно доказывает, что при другой линии поведения, которую должны были подсказать курирующие их оперативные работники, обоим ученым, вполне вероятно, удалось бы избежать тюремного заключения.

Особая ценность анализа состоит в том, что Филби сам участвовал в этих двух расследованиях со стороны британской МИ-6. В случае с Алланом Мэем он успел предупредить московский Центр, и контакты с ученым были свернуты. Но Мэй сделал неловкое признание своей вины, был арестован и получил 10 лет принудительных работ. Его арест стал для США первым публичным доказательством усилий Советского Союза по получению ядерных секретов. В случае с физиком-теоретиком Клаусом Фуксом, работавшим в ядерной лаборатории Лос-Аламоса, стопроцентные доказательства также отсутствовали, и обвинение в суде было выстроено исключительно по принципу саморазоблачения подозреваемого. Фукс был арестован в 1950 году и получил 14 лет тюремного заключения.

Следующего провала удалось избежать – это было тем более важно, что подозрения пали на товарища Кима по Кембриджской пятерке Дональда Маклейна. Его допрос был на-

значен на 28 мая 1951 года, а за три дня до этого – 25 мая – он был вывезен из Великобритании и нелегально переправлен в СССР.

Выступление Кима Филби перед руководством МВД Болгарии в июне 1973 года публикуется на русском языке впервые. Из всех стран социалистического лагеря, куда в 1970-е годы Киму Филби стали разрешать выезд, ему больше всего понравилась Болгария. Во время поездок по стране его сопровождал молодой болгарский оперработник Тодор Бояджиев, ставший впоследствии генералом разведки и близким другом Кима и Руфины.

Во время первого визита Филби в Болгарию министр внутренних дел Димитр Стоянов организовал его встречу с высшим руководящим составом МВД. Встреча состоялась в начале июня 1973 года в зале Коллегии МВД. Присутствовало более двадцати человек из состава высшего оперативного эшелона министерства – заместители министра и начальники оперативных управлений МВД.

С Болгарией Филби связывали воспоминания из самого начала его политического пути. Болгарский коммунист Георгий Димитров, впоследствии генеральный секретарь Коминтерна, в 1933 году стал ориентиром для молодого Кима. Первые недели его подпольной работы в Вене совпали с Лейпцигским процессом по делу о поджоге Рейхстага, организованном германскими нацистами, на котором Димитров оказался одним из главных обвиняемых. Его 36 раз лиша-

ли слова, 5 раз изгоняли из зала суда. Но выдающаяся речь Димитрова превратила суд в обвинительный процесс против нацистов: он подверг перекрестному допросу Германа Геринга, тогда президента Рейхстага, имперского министра без портфеля и одновременно куратора МВД Пруссии, и не оставил камня на камне от его обвинений. Ким, которому тогда был 21 год, читал выступления Димитрова с «надеждой, что когда-нибудь я смогу оказаться в таком же положении», – поведал он болгарским офицерам в 1973 году.

Текст выступления Филби – это восстановленная стенографическая запись переводчика, в роли которого выступил Тодор Бояджиев. Текст сравнивался с личным конспектом Кима о встрече. Мы благодарим Тодора Бояджиева и за этот текст, и за все его усилия по сохранению памяти о Киме Филби в Болгарии.

Следующий текст также публикуется в таком формате впервые – это подборка из интервью Михаила Богданова, полковника СВР в отставке, участника семинаров великого разведчика, сегодня исполнительного директора Фонда памяти Кима Филби. Текст выходит под заголовком **«Додумыва-
вая за Кима...»**. Михаилу Богданову чаще других приходится отвечать на вопросы российской и зарубежной прессы о Киме Филби: так сложилось, что ему довелось общаться с великим наставником больше и чаще, чем другим ученикам.

Поэтому его свидетельства имеют особую ценность. «Он был очень теплым, отзывчивым, располагающим к себе че-

ловеком», – в очередной раз слышим о Киме. «Скромным и даже немного застенчивым», – поразительная характеристика участника самой успешной разведывательной группы в истории. Советская реальность не всегда соответствовала идеальным представлениям британского коммуниста, но Филби понимал приоритеты и не позволил бытовым моментам возобладать над его убеждениями. При этом он не всегда соглашался с советским руководством, тем более когда оно начало совершать все больше и больше ошибок.

Рассказывает Михаил Богданов и о ценности анализа Кима Филби для КГБ. Когда в результате работы предателя О. А. Гордиевского на англичан у советской разведки начались провалы, Филби попросили помочь выявить возможный канал утечки. Ким провел огромную аналитическую работу и пришел к выводу, что источник утечки нужно искать среди высших офицеров «английского» отдела Первого главного управления КГБ. К их числу принадлежал и Гордиевский. Тогда его не арестовали, но это ответственность других людей, а Ким, как всегда, выполнил порученное ему задание блестяще.

И, наконец, уникальный личный взгляд на Кима от самого близкого ему человека – супруги Руфины в отрывках из ее книги **«Остров на шестом этаже»**. Восемнадцать лет она провела рядом с великим разведчиком XX века в московский период его жизни. «Могу сказать с уверенностью, что закат моей жизни – золотой!», – говорил Ким, и в этом

заслуга Руфины.

Михаил Богданов свидетельствует, что работа над этой книгой давалась ей нелегко – он находился рядом с Руфиной Ивановной в первые годы после смерти Кима. С одной стороны, крайне болезненно было описывать на бумаге еще совсем недавние минуты счастья с любимым человеком. С другой – постоянно терзали сомнения: а стоит ли выносить на всеобщее обозрение этот или тот эпизод...

Поначалу раз в неделю Михаил записывал на диктофон ответы Руфины на наводящие вопросы, излагал записанное на бумаге и отдавал ей на редактирование. Постепенно, спустя пару месяцев, Руфина Ивановна немного раскрепостилась и стала не только редактировать саму себя, но и писать новые фрагменты текста. В результате получился интереснейший рассказ – недаром она по профессии редактор!

По словам супруги, Ким часто говорил, что самое трудное в его профессии – необходимость идти на обман. И ему, человеку необычайно честному и правдивому, это было особенно тяжело. В книге Руфины Пуховой-Филби вы найдете много эпизодов и деталей, которые не может рассказать никто другой.

Надеемся, что эти редкие материалы позволят читателю увидеть во всей полноте многогранную личность Кима Филба, великого человека и разведчика, и те идеи, которые вдохновляли его и лучших людей по всему миру бороться на стороне Советского Союза.

Команда проекта «Ким Филби и Кембриджская пятерка: сохранение исторической памяти о героях-разведчиках»
www.cambridge5.ru

Ким Филби

Неоконченные мемуары²

Корни

Руфина как-то сказала мне, что я должен всегда мыть руки после того, как держал деньги. Ее мягкий приказ перенес меня лет на 55 во времени и примерно на полторы тысячи миль [2400 км] в пространстве – в Кемберли, графство Суррей, где под присмотром бабушки проходило мое детство с 3 до 12 лет.

«Никогда не клади в рот пенсы и полупенсы, – любила повторять бабушка. – Ведь неизвестно, какие отвратительные оборванцы держали их в руках. Ты можешь опасно заболеть». Между этими двумя предостережениями, конечно, есть разница. Для бабушки серебряные монеты – шестипенсовики, шиллинги, флорины и полукроны – были вне подозрения. Подозрение вызывали только медяки – монеты бедняков. Для Руфины же все деньги – грязные, несмотря на то что ей нравятся вещи, которые можно на них купить. Руфина, хотя в жилах ее течет польская кровь, родилась в Москве через 15 лет после революции и прожила в этом городе всю

² Перевод М. Ю. Богданова.

жизнь.

Я вовсе не хочу создать впечатление, будто моей бабушке было чуждо сострадание к бедным и обездоленным. Она порой пробивалась сквозь транспортный поток на другую сторону улицы лишь для того, чтобы сунуть несколько медяков в руку нищего, которому, на ее взгляд, это было особенно нужно – таким он выглядел голодным или больным. Однако между моей сострадательной бабушкой и тем нищим пролегала непреодолимая пропасть. Никто этого не знал лучше Кейт, нашей кухарки, которая преданно служила бабушке свыше 40 лет и которой бабушка, в свою очередь, была очень предана. В течение всего этого времени Кейт хорошо знала свое место в нашем доме – кухню и задний двор. Я ни разу не встречал ее среди цветочных клумб, а овощи с огорода доставлялись ко входу в кладовку мистером Бишопом, садовником. Иногда в дом врвался шум, который напоминал звук рвущихся простыней. Он заставлял бабушку наострить уши и взглянуть на часы.

– Ким, – говорила она, – это, должно быть, принес пирожные человек из кондитерской Дэрракотта. Сбегай на задний двор и скажи Кейт, чтобы она не смеялась так громко.

Когда меня впервые привезли в Кемберли, бабушка вела хозяйство, но не являлась главой дома. Еще жива была ее собственная мать, бабуса Дункан, как я ее называл. Ей было около 70 лет, и она была бледная, хрупкая, седая. Утро она проводила в своей спальне, днем перемещалась в гостиную,

а вечерами, если была хорошая погода, возилась, подстригая траву бордюра и распуская при этом митенки. Я виделся с ней только за столом, и ее редкие высказывания убедили меня, что у нее есть глаза на затылке (так я долгое время считал). Она обычно сидела во главе стола спиной к французским окнам до пола и время от времени делилась впечатлениями о том, чем занимались птицы на садовой дорожке позади нее. Прошло немало месяцев, прежде чем я понял, что источником ее информации являлась огромная гравюра под стеклом, изображавшая встречу в Лакноу Хэвилока, Утрама и сэра Колина Кемпбелла³, и в этом стекле в деталях отражался сад. Рядом с гравюрой висел великолепный гобелен, привезенный, как мне с гордостью рассказывали, в качестве трофея двоюродным дедом из Летнего дворца в Пекине.

Как подобало в то время, в доме, где обитали две дамы – старая и пожилая, режим был хоть и не суровый, но четко устоявшийся. Подобно тому как для Кейт были отведены кухня и задний двор, моим пространством являлись детская комната и сад, причем со строгим запретом ходить по цветочным клумбам. За моим поведением следили сменявшие

³ Имеется в виду знаменитая гравюра Т. Дж. Бейкера. Лакноу (Лакхну) – столица северо-индийского штата Уттар-Прадеш; сэр *Генри Хэвилок* (Havelock; 1795–1857) и сэр *Джеймс Утрам* (Outram; позже 1-й баронет; 1803–1863) – британские генералы, командовавшие поочередно британскими войсками во время Индийского восстания 1857 г. Сэр *Колин Кемпбелл* (Campbell позже 1-й барон Клайд Клайдсдейлский; 1792–1863) – фельдмаршал, главнокомандующий британскими войсками в Индии в период Индийского восстания 1857 г. – *Примеч. пер.*

друг друга молоденькие гувернантки, жившие со мной в одной комнате и пробуждавшие во мне смутное сексуальное самосознание, вероятно потому, что они это тоже чувствовали. К сожалению, отыскивая в памяти какие-либо конкретные поводы для такого смутного пробуждения, я ничего не могу вспомнить. Гостиная была запретной территорией. Меня пускали туда, лишь когда кто-либо из заглянувших на чашку чая подруг бабуси Дункан выражал – скорее всего, неискренне – желание взглянуть на «милого малыша». В таких случаях, гувернантка, прежде чем ввести меня «в присутствие», тащила громко протестующего «милого малыша» в ванну для основательной отмывки. В гостиной нанесенная мне обида затушевывалась чирикающими голосами, которые восклицали: «Ах! Какой *чистенький* мальчик!» Среди этого чирикания особенно выделялась сестра бабуси Дункан, тетя Ада, которую я очень боялся. Впрочем, в этом была виновата не она, а моя бабушка.

– Сегодня ты должен быть хорошим мальчиком, Ким, – напутствовала меня бабушка за завтраком. – Тетя Ада придет к нам на чай.

И вот, начиная с четырех часов, я дежурил возле щели в заборе и мчался, как угорелый прятаться, завидя на дороге тетю Аду в черной вуали, трепетавшей на ветру.

Помимо вполне понятной злости на то, что тебя скребут, причесывают и выставляют напоказ, режим, существовавший в «Перекрестках», – а наш дом стоял недалеко от того

места, где Парк-стрит пересекает Гордон-роуд, – не вызывал у меня желания взбунтоваться. Все шло по раз и навсегда установленному пути – как звезды на небосклоне. У меня не было желания заходить в гостиную, и, наверное, я был бы ошарашен, если бы бабуся Дункан посетила детскую (такая возможность мне просто в голову не приходила, как, кстати, и ей, несмотря на то, что от двери в гостиную до двери в детскую было всего шага три, не больше). Я склонен считать, что режим, существовавший в «Перекрестках», куда лучше современного устройства семейной жизни, где каждый волен делать все, что ему заблагорассудится. В Кемберли исходили из того, что и взрослые, и дети имеют право вести собственный образ жизни.

Царившая в нашем доме атмосфера не способствовала притоку маленьких мальчиков, так что у меня было мало знакомых среди сверстников. Тем не менее тогда я об этом не очень сожалел. Чаще всего я проводил время в компании двоюродного брата Фрэнка, чьи родители, как и мои, большую часть своей жизни провели в Азии. Но я считался любимым внуком, и расположение ко мне бабушки было настолько очевидным, что вызывало нескрываемую враждебность матери Фрэнка, моей тетушки Китти, которая беспрестанно напоминала мне, что, хотя я на восемь месяцев старше Фрэнка, его отец на год старше моего отца, и, следовательно, Фрэнк занимает в семейной иерархии более высокое положение. Поначалу я попросту не понимал этого довода, а

когда позднее до меня стал доходить его смысл, он перестал что-либо значить. Дело в том, что все имевшее отношение к вопросу о наследовании утратило актуальность, поскольку наследовать было нечего.

Вероятно, именно недостаток друзей-сверстников способствовал тому, что я с раннего возраста увлекся книгами. Мне еще не исполнилось пяти, а я уже сражался с адаптированным для детей изданием «Синдбада-морехода» и вскоре принялся за «Детскую энциклопедию» Артура Ми. Я с жадностью глотал статьи по естествознанию и географии. Потом был еще какой-то сборник коротких рассказов, название которого я забыл. Яснее всего в памяти сохранился рассказ – и это весьма странно в свете более поздних событий – о нападении стаи волков на путешественников, передвигавшихся на санях по Сибири. Волки дали знать о себе «протяжным, низким, меланхоличным воем»; чтобы уйти от погони, путешественники отдали несколько лошадей на съедение волкам, а в заключение – хэппи-энд в виде мигающих огней деревни. Тем не менее образ воющих волков запал в сознание и не раз являлся мне в ночных кошмарах. Этот рассказ, а также другие, иллюстрированные картинками змей и морских чудовищ, породили у меня боязнь темноты, которая не проходила года два или три. Возвращаясь в сумерках из школы, я обходил низко свисающие ветви деревьев из страха перед леопардами, которыми мое напичканное чтением воображение населяло Гордон-роуд.

Незадолго до того, как мне исполнилось пять лет, меня определили в детский сад, которым руководили две старые девы – мисс Херринг и мисс Крисп. Поскольку я уже умел читать, мне не составляло труда держаться на уровне пятилеток, а вскоре я даже обогнал их. Время, проведенное в детском саду, осталось в памяти по трем причинам: я влюбился, открыл для себя географический атлас и отрекся от Бога.

Объектом моей любви стала некая мисс Диана Хиггинсон, которая была примерно на год старше меня. Мои чувства к ней не имели ничего общего со смутными ощущениями, вызванными гувернантками, ночевавшими в моей комнате. И тем не менее я не назвал бы их чисто платоническими. Меня притягивало к Диане нечто, что я не пытался определить в то время и не могу определить сейчас. Я и сегодня вижу, как она сидит на два ряда впереди меня в черно-белом клетчатом платье чуть выше колен и с черным бантом в волосах; иногда в поле моего зрения попадало ее бледное, пикантное личико. Однажды я пошел следом за Дианой и проводил ее до дома, обнаружив при этом, что она живет почти рядом с «Перекрестками», на той же улице. Но я с ней так ни разу и не заговорил – ни тогда, ни потом. Вскоре я начисто потерял интерес к девочкам, и эта фаза длилась шесть или семь лет.

Да простит меня Диана, но должен признаться, что это атлас втянул меня в свою магическую паутину. Каким-то необъяснимым чутьем я мгновенно улавливал и объединял в единую картину странные очертания и часами сосредоточен-

но изучал извилистые линии рек и оттеняющие их контуры. Следующим шагом, конечно, было перечерчивание карт, и бабушка с радостью купила мне контурную тетрадь, прекрасно понимая, что всего за несколько пенсов обретает многие часы спокойствия в детской. Позже под влиянием карты-схемы из «Острова сокровищ» я обнаружил, что карты можно изобретать самому. Открытие это вылилось в бесконечное рисование вымышленных стран с причудливыми мысами, бухтами и немыслимо расположенными холмами. Бабушка стала критиковать меня за то, что все холмы у меня назывались «Холмами Подзорной трубы», тогда я стал называть их «Подзорная труба-1», «Подзорная труба-2» и так далее – уловка, которую независимо от меня изобрели исследователи и картографы Гималаев. Мое детское увлечение картами с годами превратилось в тягу к путешествиям, присущую мне до сих пор. Это, по всей видимости, в немалой степени способствовало ослаблению моих корней в Англии.

О Боге. Профессор Хью Тревор-Роупер⁴ охарактеризовал меня как «ископаемое»⁵. Надеюсь, мне удастся доказать

⁴ *Хью Тревор-Роупер* (Trevor-Roper; позже барон Дейкр Глантонский; 1914–2003) – британский историк, профессор современной истории Оксфордского университета. Во время Второй мировой войны офицер службы радиобезопасности СИС. – *Примеч. ред.*

⁵ По здравом размышлении следует думать, что архиепископ Кентерберийский, вероятно, всегда без колебаний придерживался противоположной точки зрения. Неизменную приверженность англиканской церкви набору весьма сомнительных предположений легче всего было бы объяснить по рецепту Тревор-Роупера, объявив его ископаемым, причем из очень далекого прошлого.

необоснованность этого обвинения и продемонстрировать, что мое мировоззрение с годами менялось. Но что касается религии, то я всегда решительно отрицал ее. Мне было около шести лет, когда я поверг в ужас бабушку, объявив, что Бога нет. Она была христианкой и свою веру в Бога проявляла в том, что ходила в церковь Св. Михаила на Пасху и Рождество. Но меня с собой никогда не брала и не разговаривала со мной на эти темы. Следовательно, поскольку религия никогда не вторгалась в стены «Перекрестков», мой скептицизм зародился, должно быть, в детском саду, где воспитатели делали упор на чудеса, считая, что это возбудит интерес у детей. В моем случае это возымело прямо противоположное действие. Я реагировал с откровенным недоверием, причем больше всего меня отталкивал широкий разрыв между всемогуществом, приписываемым Христу, и тем, как он это использовал. Почему он вылечил одного-единственного прокаженного? Почему не всех прокаженных? И так далее. Ни один довод, услышанный или прочитанный мною с тех пор, не развеял моих сомнений, и ни разу у меня не было позыва приобщиться к религии. С раннего детства и по сей день я всегда считал, что чувства способны творить большие чудеса, чем любой взлет веры.

Итак, живя в «Перекрестках», я не испытывал страха перед Богом. Думаю, что не испытывал его и перед людьми, за исключением разве что мистера Уотсона. Не сомневаюсь, что мистер Уотсон был замечательным человеком. Но он был

хозяином «Перекрестков», и меня страшали им, когда я начинал капризничать и шалить, грозя нанести ущерб имуществу. Его имя произносили зловещим шепотом. Но самого мистера Уотсона я так никогда и не видел.

От страхов меня почти полностью заслоняла любовь бабушки, не ослабевавшая до самой ее смерти, – она скончалась в возрасте 85 лет, сохранив до последних дней вкус к жизни и умение посмеяться. Она потеряла двух сыновей в сражениях под Ипром: одного – в 1914 году, а другого – двумя годами позже. Мое присутствие, должно быть, помогало заполнить образовавшуюся в сердце пустоту; иначе я не в состоянии объяснить, почему она отдавала явное предпочтение именно мне. Я навещал ее периодически во время Второй мировой войны, и каждый раз меня ожидала в буфете неоткупоренная бутылка виски; как только я наливал себе первый стакан, она, посмеиваясь и отдуваясь, хриплым шепотом предостерегала меня:

– Не забудь сразу же спрятать бутылку, как только услышишь, что идет тетя Китти.

С особым уважением хочу упомянуть последние слова бабушки, адресованные моей матери, которая в тот момент жила у нее. Бабушка остановилась на лестнице, ведущей в спальню, где ей через несколько часов суждено было умереть, и крикнула в кухню:

– Кейт, не забудь приготовить стакан джина для миссис Доры!

Но вернемся к годам Первой мировой войны. На меня она практически не повлияла. Гувернантки водили меня смотреть парад на площади перед церковью в Королевском военном колледже или же показывали мне учебные окопы на Баросса-коммон, вырытые для того, чтобы курсанты почувствовали себя на Западном фронте, где им вскоре предстояло умереть. Нормирование продуктов меня не коснулось. Мало волновали меня рассказы о налетах «цеппелинов» и даже пируэты в небе над нами аэропланов из Фарнборо. Куда больше меня интересовали поезда, мчавшиеся по высокой насыпи, которую было видно через ворота нашего сада, – я был еще в том возрасте, когда больше хочется быть машинистом, нежели астронавтом. Затем начались торжества по поводу заключения перемирия, раздражавшие меня своей бестолковостью и бессмысленностью. Бабушка огорчилась, услышав, что я назвал их «глупой суетой». Бедная женщина! Наслаждаться ими ей было уже поздно.

Через несколько месяцев в результате этой «глупой суеты» произошло событие, имевшее важные для меня последствия: в мою жизнь вернулись с Ближнего Востока два совершенно чужих человека – мать и отец.

Говоря, что родители были совершенно чужими для меня людьми, я несколько не преувеличиваю. Конечно, я «знал» об их существовании. Но от раннего детства, проведенного в Индии, осталось очень мало воспоминаний, они были разрозненные и смазанные. Как я ни старался, ни в одном из них

мне не удалось увидеть родителей. Помню пейзаж – я всегда называл его «Амбала» – улицу, уходящую влево, полумесяцем вниз, по правую ее сторону тянулась сплошная черед красноватых домов с террасами, а по другую сторону – поросший деревьями холм. Я, должно быть, видел нечто подобное в Индии, но не уверен, что это было именно в Амбале. Затем сохранилось воспоминание о ночном путешествии в поезде, во время которого некий мистер Стин дергал меня за волосы каждый раз, как видел (или утверждал, что видел) обезьяну. Наверное, можно было придумать другой способ показать малышу обезьяну в темноте, ибо я ее так и не увидел. Эта картинка сливается с другой ночной поездкой в поезде, а возможно, и той же самой. Я лежал на верхней полке и ныл оттого, что очень хотел пить. Кто-то, кажется солдат, решил успокоить меня с помощью плитки шоколада, но после нескольких кусков жажда стала мучить меня еще сильнее, и я заныл громче.

Таким образом, о раннем детстве в Индии и об индийском периоде жизни моих родителей я знаю исключительно понаслышке, в основном со слов матери. Меня уже тогда звали Ким. Говорят, английский был для меня вторым языком, со слугами и рассыльными я предпочитал болтать на хинди. Мой отец, державшийся традиций до нелепости неуклонно, с изумлением взирал на своего первенца и говорил: «Ну, Дора, это же самый натуральный маленький Ким». Это прозвище так за мной и закрепилось. Другой, и последний, отрывок

«воспоминаний понаслышке», связывающий меня с отцом, касался утреннего отчета о погоде, который он требовал от меня во время отдыха в Дарджилинге⁶

⁶ Город в Индии, ныне на севере штата Западная Бенгалия. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.